

ПИСЬМО ПОСТОЯННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
АМЕРИКИ НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ ОТ 6 СЕНТЯБРЯ
2000 ГОДА НА ИМЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПРЕПРОВОЖДАЮЩЕЕ ТЕКСТ ЗАМЕЧАНИЙ, КАСАЮЩИХСЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ, ВЫСКАЗАННЫХ
ПРЕЗИДЕНТОМ КЛИНТОНОМ 1 СЕНТЯБРЯ 2000 ГОДА В
ДЖОРДЖТАУНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, А ТАКЖЕ ФАКТОЛОГИЧЕСКУЮ
СПРАВКУ ПО ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЕ

К настоящему прилагается текст замечаний, касающихся национальной противоракетной обороны, высказанных Президентом Клинтон 1 сентября 2000 года в Джорджтаунском университете, а также информационная справка по противоракетной обороне.

Я был бы признателен за выпуск этих текстов в качестве официального документа Конференции по разоружению и за их распространение среди всех государств-членов и государств-нечленов, участвующих в КР.

(Подпись)

Роберт Т. Грей-младший
Посол
Постоянный представитель
Соединенных Штатов Америки на
Конференции по разоружению

ЗАМЕЧАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ОТНОСИТЕЛЬНО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ

Гэстон-Холл
Джорджтаунский университет
Вашингтон, округ Колумбия

ПРЕЗИДЕНТ: Большое спасибо. После оказанной нам столь теплой встречи, а потом и аплодисментов, которыми вы встретили некоторые первоначальные высказывания Дина Галуччи, я порадовался про себя за то, что он снискал себе такой прием, ибо у нас в администрации, где никто и никогда не срывал аплодисментов, я взваливал на него массу неблагодарной работы и он с блеском с ней справлялся. И мне очень приятно, что он преуспевает и здесь в роли декана. Я благодарю также ректора Брауна за то, что он принимает меня здесь.

Как я сказал им, когда я прибыл сюда, меня где-то даже радует, что сегодня здесь нет отца О'Донована: я появляюсь здесь так часто, что я знаю, что если я буду так делать и впредь, то он как-нибудь съязвит, что он выставит счет министерству финансов от имени Джорджтаунского фонда.

Когда мы выехали сюда и Боб завел речь о начале учебного года, мне припомнилось, как 35 лет назад мне, второкурснику, поручили вводить новичков в курс дела. И вот я подумал, что мне надо бы приехать и помочь задать тон ориентации новичков в этом году.

Признаюсь, после вашего восторженного приема мне также подумалось, что, будь я еще кандидатом на государственную должность, я мог бы встать, поприветствовать всех, потом сесть на место и - улизнуть, пользуясь своим преимуществом.

Сегодня я приехал выступить на тему, которая вовсе не сулит вызвать шквал аплодисментов, но она имеет очень, очень важное значение для вашего будущего: речь идет об обороне нашей страны. Причем именно в данный момент, когда царят беспрецедентный мир и процветание, когда нет непосредственной угрозы для нашей безопасности и для нашего существования, когда наши демократические ценности находятся на подъеме, а наши альянсы крепки, когда великие движущие силы современности, глобализация и революция в сфере информатики, столь явно оказывают благотворное воздействие на такое общество, как наше, с нашей многоплановостью и с нашей открытостью и с нашим духом предпринимательства.

В такие времена появляется искушение полагать, будто наша безопасность не сталкивается с серьезными долгосрочными вызовами. Но думать так было бы неверно. Быстрое расползание технологии сквозь все более "проницаемые" границы вызывает опасность того, что все больше государств, террористов и криминальных структур могут получить доступ к химическому, биологическому или даже ядерному оружию, а также к средствам их доставки - будь то в виде небольших устройств, развертываемых у нас, или в виде баллистических ракет, способных забрасывать такое оружие на другой край Земли.

И вот сегодня я хочу побеседовать с вами об этих угрозах, ибо вам предстоит сталкиваться с ними гораздо дольше, чем мне. И я хочу особо остановиться на баллистическо-ракетной угрозе. Она носит вполне реальный характер и даже возрастает, в связи с чем с новой остротой разгорелась полемика по поводу национальной противоракетной обороны, широко известной как НПРО.

Когда я стал Президентом, я поставил во главу нашей повестки дня в области национальной безопасности наши усилия по прекращению распространения оружия массового уничтожения. И с тех пор мы реализуем всеобъемлющую стратегию, нацеленную на то, чтобы сократить и обезопасить ядерные арсеналы, укрепить международный режим, направленный против биологического и химического оружия и проведения ядерных испытаний, а также прекратить приток опасных технологий в те страны, которые могли бы желать нам зла.

В то же время мы развивали новые технологии, способные укрепить нашу обороноспособность перед лицом возможного нападения, включая террористические вылазки здесь, у нас дома.

Ни один из этих элементов нашей стратегии в области национальной безопасности не может быть реализован изолированно. Тут важен каждый из них, и по каждому направлению мы добились прогресса. Например, за последнее десятилетие Россия и Соединенные Штаты уже уничтожили примерно 25 000 ядерных боеприпасов. И мы договорились, что в рамках договора СНВ-3 мы на 80 процентов снизим уровень предыдущего десятилетия.

В 1994 году мы убедили три бывшие советские республики - Украину, Казахстан и Беларусь - полностью отказаться от своего ядерного оружия. Вместе с Россией и ее соседями мы работали над тем, чтобы утилизировать сотни тонн опасных ядерных материалов, усилить меры контроля по экспортной номенклатуре и удержать ученых-оружейников от продажи своих услуг тем, кто больше заплатит.

Мы реализовали бессрочную пролонгацию Договора о ядерном нераспространении. Мы стали первой страной, подписавшей Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний, мысль о котором вынашивали еще президенты Кеннеди и Эйзенхауэр. В настоящее время Договор о запрещении испытаний уже ратифицировали 60 государств. И мне думается, что сенат Соединенных Штатов совершил серьезную ошибку, отказавшись ратифицировать его в прошлом году, но я надеюсь, что в следующем году он все же сделает это.

Мы также разработали путем переговоров и ратифицировали международную Конвенцию о запрещении химического оружия и укрепили Конвенцию по биологическому оружию. Мы используем экспортный контроль для того, чтобы лишить террористов и потенциальных противников доступа к материалам и оборудованию, которые необходимы для создания таких видов оружия.

Мы ввели санкции против тех, кто содействует иностранным химическим и биологическим оружейным программам, и мы инвестируем средства в разработку нового оборудования и медицинских контрагентов с целью оградить людей от поражения. Мы также ведем работу с медицинскими службами на уровне штатов и на местном уровне повсюду в нашей стране с целью укрепления нашей готовности на случай террористических вылазок с применением химического или биологического оружия, что, по мнению многих, является наиболее вероятной в XXI веке новой угрозой безопасности.

Предприняли мы и меры к тому, чтобы уменьшить угрозу со стороны государств, которые домогаются оружия массового уничтожения и баллистических ракет и в то же время предпринимают действия, явно враждебные с точки зрения наших долгосрочных интересов. Вот уже свыше 10 лет – простите, почти 10 лет – нам удается добиться, чтобы около 90 процентов иракских нефтяных доходов шло не на оружейное производство, а на закупки продовольствия и медикаментов.

Это важный статистический показатель, и его надо адресовать тем, кто считает, что наши санкции лишь негативно сказываются на иракском народе, и в частности на детях. В 1989 году выручка Ирака от нефтяного экспорта составила 15 млрд. долл. США, и 13 млрд. из них были затрачены на военные нужды. В нынешнем же году Ирак, согласно прогнозам, заработает на своем законном экспорте по программе "продовольствие в обмен на нефть" 19 млрд. долл. США, но никакие из этих доходов он не сможет израсходовать на военные нужды.

Мы работали и над тем, чтобы противодействовать иранским усилиям по разработке ядерного оружия и ракетной технологии, убеждая Китай не оказывать больше помощи по иранской ядерной программе и побуждая Россию к усилению ее мер контроля за экспортом чувствительных технологий.

В 1994 году, через шесть лет после того, как Соединенные Штаты впервые узнали, что у Северной Кореи имеется ядерно-оружейная программа, мы согласовали соглашение, которое позволило контролируемым образом заморозить у нее производство плутония для ядерного оружия. А вот сейчас, в контексте переговоров Соединенных Штатов с Северной Кореей, дипломатических усилий бывшего министра обороны Билла Перри, а совсем недавно, и встречи в верхах между лидерами Северной и Южной Кореи, Северная Корея воздержалась от летных испытаний новой ракеты, которая могла бы создавать угрозу для Америки.

Нам следует четко представлять себе следующее: потенциал Северной Кореи по-прежнему вызывает серьезную проблему, а ее намерения - по-прежнему неясны. Но ее мораторий на ракетные испытания является добрым веянием, которое заслуживает дальнейшего развития.

Все эти дипломатические усилия по отвращению угрозы распространения подкрепляются мощной и глобальной поражающей способностью наших вооруженных сил. Сегодня Соединенные Штаты располагают подавляющим военным превосходством над любым потенциальным противником. Например, в 1985 году мы израсходовали на оборону примерно столько же, сколько Россия, Китай и Северная Корея вместе взятые. Сегодня же мы расходуем чуть ли не в три раза больше – почти 300 млрд. долл. США в год. Ну а что касается военной технологии, то тут мы явно в значительной мере опережаем весь остальной мир.

Принцип сдерживания сослужил нам очень хорошую службу в годы "холодной войны", и сдерживание по-прежнему остается повелительной необходимостью. Угроза массированного возмездия удержала Саддама Хусейна от применения оружия массового уничтожения в ходе войны в Персидском заливе. Наши войска в Южной Корее на протяжении 47 лет удерживают Северную Корею от агрессии.

Возникает вопрос, а может ли сдерживание защитить нас от всех тех, кто, быть может, пожелает причинить нам зло в будущем? Можем ли мы еще больше обезопасить Америку? И вот поиск ответов на эти вопросы как раз и послужил в качестве стимула для

исследований по НПРО. Проблема состоит в следующем: не можем ли мы предпринять еще что-нибудь, чтобы отвратить не сегодняшнюю, а завтрашнюю угрозу нашей безопасности.

Например, есть ведь возможность того, что какое-то враждебное государство, располагающее ядерным оружием и ракетами большой дальности, просто-напросто распадется, а ракетное командование попадет в ненадежные руки; или что в момент отчаяния такая страна возомнила бы, будто за счет применения ядерного оружия она сможет устроить нас и заставить отказаться от защиты своих жизненных интересов или же от помощи нашим союзникам или другим незащищенным и явно нуждающимся странам.

В перспективе будущего нам нельзя исключать, что, захватив, пусть даже временно, контроль над государством, располагающим наличным ядерно-оружейным механизмом, способность нанести по нам ядерный удар могут обрести террористические группировки.

Никто, конечно, не подразумевает, что НПРО подменила бы дипломатию или сдерживание. Но такая система, будучи адекватно проработана, давала бы нам дополнительный элемент уверенности в условиях такой мировой обстановки, когда распространение осложняет задачу сохранения мира. Поэтому мы, на мой взгляд, несем обязанность установить осуществимость, эффективность и воздействие национальной противоракетной обороны на общую безопасность Соединенных Штатов.

Разрабатываемая в настоящее время система должна функционировать следующим образом. В случае нападения американские спутники засекли бы момент пуска ракет. Наш радар проследил бы траекторию вражеской боеголовки, а высокоточные, высокоскоростные перехватчики наземного базирования уничтожили бы их, прежде чем они достигнут своей цели на территории Соединенных Штатов.

Мы добились существенного прогресса в разработке системы, которая базировалась бы на Аляске и которая, став работоспособной, могла бы защитить все 50 штатов от ощущаемых нами не столь уж отдаленных ракетных угроз, исходящих со стороны Северной Кореи и со стороны Ближнего Востока. Такая система могла бы быть развернута быстрее, чем любые предлагаемые альтернативы.

С осени прошлого года мы проводим летные испытания, чтобы выяснить, действительно ли эта система НПРО может надежно перехватывать баллистические ракеты. И мы уже начали демонстрировать, что отдельные компоненты этой системы могут функционировать совместно.

Наше министерство обороны в необычайно короткий срок преодолело невероятные технические преграды, и я горжусь той работой, которую проделали министр обороны Коэн, генерал Шелтон и их коллективы.

Как показало одно испытание, один снаряд, в сущности, можно сбить другим. И все же, хотя технология НПРО носит перспективный характер, пока еще не апробирована вся система в целом. После успешного первоначального испытания два наших самых недавних испытания, по разным причинам, не позволили произвести перехват. У нас запланировано еще несколько испытаний. И они покажут нам, может ли НПРО надежно функционировать в реальных условиях. Не апробированы еще и такие важнейшие элементы программы, как ракетный ускоритель для ракеты-перехватчика.

Предстоит еще и решить вопросы относительно способности системы справляться с мерами противодействия. Имеются в виду меры, принимаемые теми, кто производит пуск ракеты, с целью ввести в заблуждение противоракетную оборону и заставить ее считать, что она поражает мишень, тогда как в действительности она ее не поражает.

У нас есть разумный шанс полагать, что со временем все эти задачи будут решены. Но из той информации, какой я сегодня располагаю, я просто не могу заключить, что у нас есть достаточная уверенность в технологии и оперативной эффективности всей системы НПРО, чтобы переходить к ее развертыванию.

Поэтому я решил пока не санкционировать развертывание национальной противоракетной обороны. Но я просил министра обороны Коэна продолжать добротную программу разработок и испытаний. Пока эти работы еще находятся в начальной стадии. До сих пор проведено всего три из девятнадцати запланированных испытаний по перехвату. Нам нужно провести еще больше испытаний по более сложным мишеням и предпринять еще больше имитационных работ, прежде чем мы сможем со всей ответственностью направить ресурсы своей страны на цели развертывания.

За это время нам надо будет обеспечить, чтобы НПРО, будучи развернута, реально повышала нашу национальную безопасность. На этом я остановлюсь через несколько минут.

Я хочу, чтобы вы знали, что я пришел к этому решению о неразвертывании НПРО после тщательного размышления. Мое решение не будет оказывать существенного влияния на сроки возможного развертывания всей системы при следующей администрации, если следующий президент решит пойти вперед.

Как гласит оптимальное заключение экспертов, изучавших этот вопрос, прими мы сегодня решение о строительстве системы, она скорее всего была бы работоспособной где-то в 2006 или 2007 году. И если следующий президент решит в будущем году продвигаться вперед, то система все равно была бы готова в пределах тех же хронологических рамок.

А между тем мы будем продолжать работать со своими союзниками и с Россией с целью укрепить понимание и поддержку ими наших усилий по предотвращению возникающей угрозы со стороны баллистических ракет, а также по изучению новаторских путей нашего возможного сотрудничества в интересах повышения и их безопасности перед лицом этой угрозы.

Эффективная система НПРО могла бы играть важную роль в нашей стратегии национальной безопасности, но она не могла бы стать универсальным олицетворением этой стратегии. Она никогда не может стать универсальным олицетворением этой стратегии в плане предотвращения ядерных и ракетных угроз.

Кроме того, баллистические ракеты, оснащенные ядерным оружием, как я уже говорил, вовсе не являются универсальным олицетворением стоящих перед нами угроз. Они включают еще и химическое и биологическое оружие, а также ряд смертоносных технологий применительно к их развертыванию. Поэтому было бы безумием основывать оборону нашей страны исключительно на такой стратегии, когда мы сидели бы и дожидались, пока ракеты не окажутся в воздухе, а уж потом пытались их сбить.

Нам нужно работать со своими союзниками и Россией над тем, чтобы прежде всего помешать нашим потенциальным противникам даже угрожать нам ядерным, химическим и биологическим оружием массового уничтожения и внушить им мысль о пагубных последствиях таких действий.

Нельзя допускать того, чтобы элементы нашей стратегии подрывали друг друга. Они должны взаимно подкреплять друг друга и способствовать упрочению нашей национальной обороны во всех ее аспектах. А это включает и такой сугубо важный аспект, как контроль над вооружениями.

На протяжении последних 30 лет и президенты-республиканцы, и президенты-демократы разработали с Россией комплекс договоров по контролю над вооружениями. Мы со своими союзниками опираемся на эти договоры с тем, чтобы обеспечить стратегическую стабильность и предсказуемость в отношениях с Россией, вести работу по

ликвидации наследия "холодной войны" и упрочивать переход от конфронтации к сотрудничеству с нашим бывшим противником в наиболее важной сфере – сфере ядерного оружия.

Ключевым компонентом структуры международной безопасности, созданной нами с Россией, а следовательно, и ключевым компонентом нашей национальной безопасности является Договор о противоракетной обороне, подписанный президентом Никсоном в 1972 году. Договор по ПРО ограничивает системы противоракетной обороны по простому принципу: ни одна сторона не должна разворачивать средства обороны, которые подрывали бы имеющиеся у другой стороны средства ядерного сдерживания и тем самым вселяли в нее соблазн нанести первый удар в кризисной ситуации и принять контрмеры, снижающие безопасность обеих наших стран.

Стратегическая стабильность, основанная на взаимном сдерживании, все еще имеет важное значение, несмотря на окончание "холодной войны". Почему? Потому что Соединенные Штаты и Россия все еще располагают ядерными арсеналами, при помощи которых они могут уничтожить друг друга. Нынешний же этап наших отношений все еще носит переходный характер.

Мы сотрудничаем многими способами. Мы подписали соглашение о сотрудничестве между Россией и НАТО. Мы вместе с российскими воинскими подразделениями несем службу в Боснии и Косово. Но хотя мы уже и не являемся противниками, мы пока еще не стали и подлинными союзниками. Поэтому для них, как и для нас, сохранение стратегической стабильности повышает доверие и укрепляет уверенность по обе стороны. Она снижает риск конфронтации. Оно обеспечивает возможность для налаживания еще более тесного партнерства и для созидания еще более безопасного мира.

И вот тут-то как раз и встает проблема: НПРО, в случае разворачивания, потребует от нас либо скорректировать Договор, либо выйти из него – и не потому, что НПРО бросает вызов стратегической стабильности, о которой я только что говорил, а потому, что ПРО уже по своей словесной форме запрещает любую национальную противоракетную оборону.

Мы же хотели бы и найти как можно более эффективные средства защиты, причем не только для себя, но и для всех других законопослушных государств, и сохранить нашу стратегическую стабильность с Россией. Россия пока не желает согласиться с этим,

искренне, как мне кажется, опасаясь того, что в определенном смысле эта система или какое-либо ее будущее воплощение может поставить под угрозу надежность ее потенциала сдерживания, а следовательно, и стратегическую стабильность.

Тем не менее на нашей встрече на высшем уровне в Москве в июне с.г. мы с Президентом Путиным согласились с тем, что с тех пор, как 28 лет назад был подписан Договор по ПРО, мир претерпел изменения и что распространение ракетной технологии привело к возникновению новых угроз, которые могут потребовать корректировки этого Договора. И опять же, подчеркиваю, эти угрозы чреватые опасностью не только для Соединенных Штатов.

Россия согласна с наличием зарождающейся ракетной угрозы. По сути дела, в силу своего географического положения она особенно уязвима перед лицом этой зарождающейся угрозы. Со временем, я надеюсь, Соединенным Штатам удастся сузить наши расхождения с Россией в этом вопросе. Избранный мною сегодня курс дает Соединенным Штатам больше времени с этой целью, и мы им воспользуемся.

Мы с Президентом Путиным согласились интенсифицировать нашу работу по стратегической обороне, добиваясь параллельно еще более глубоких оружейных сокращений в рамках СНВ-3. Мы с ним поручили своим экспертам разработать дальнейшие совместные инициативы в таких областях, как противоракетная оборона театра военных действий, раннее предупреждение и дискуссии по ракетной угрозе, для нашей встречи, которая должна состояться как раз на следующей неделе в Нью-Йорке.

Помимо России, другим важнейшим дипломатическим фактором в плане решения по НПРО является мнение наших союзников по НАТО. Все они ясно дали понять, что, как они надеются, Соединенные Штаты будут строить свою стратегическую оборону таким образом, чтобы не упразднить, а сохранить Договор по ПРО. Если мы решим приступить к развертыванию системы НПРО, то нам нужна будет их поддержка, ибо ключевые компоненты ПРО базировались бы на их территориях.

Решение, которое я принял, дает также Соединенным Штатам время на то, чтобы ответить на вопросы своих союзников и провести дальнейшие консультации относительно предстоящего курса действий.

Наконец, нам надо учитывать и влияние решения о развертывании на безопасность в Азии. Принимая решение относительно развертывания, следующему президенту нужно будет избегать того, чтобы стимулировать расширение и без того уже опасного регионального ядерного потенциала Китая и Южной Азии. И здесь я хочу со всей

определенностью заявить: даже если Соединенные Штаты и Россия не смогут достичь согласия; даже если мы первоначально не сможем заручиться поддержкой своих союзников; даже если мы придем к выводу о том, что китайцы ответят на НПРО существенным наращиванием своего арсенала ядерного оружия с сопутствующим неизбежным резонансом в Индии, а потом и в Пакистане, - ни одна страна никогда не сможет наложить вето в том, что касается американской безопасности.

Следующий президент может тем не менее решить, что наши интересы безопасности в XXI веке повелительно требуют от нас приступить к развертыванию системы НПРО. Но мы никак не можем позволить себе игнорировать то обстоятельство, что действия одних и реакции других в этом, все более взаимозависимом мире все-таки имеют значение для нашей безопасности.

И поэтому ясно, что было бы гораздо лучше продвигаться вперед в русле Договора по ПРО и при поддержке союзников. Наши усилия с целью обрести такую возможность не завершены. Для меня отправной пункт этого решения состоит в следующем: поскольку зарождающаяся ракетная угроза носит реальный характер, мы несем обязанность реализовывать систему противоракетной обороны, которая позволила бы повысить нашу безопасность.

Мы добились прогресса, но нам не следует идти дальше до тех пор, пока у нас не будет абсолютной уверенности в том, что система будет функционировать, и пока мы не приложим все разумные дипломатические усилия к тому, чтобы свести к минимуму издержки развертывания и извлечь максимум пользы, как я сказал, не только для безопасности Америки, но и для безопасности законопослушных стран всего мира, которые подвергаются той же угрозе.

Я убежден, что Америка и весь мир только выиграют от того, если мы будем обследовать рубежи стратегической обороны и в то же время будем неуклонно осуществлять контроль над вооружениями, хранить единение со своими союзниками и работать с Россией и другими, с тем чтобы остановить распространение смертоносных вооружений.

Я твердо верю, что в этом состоит наилучший курс действий для Соединенных Штатов, и поэтому принятое мною сегодня решение отвечает высшим интересам безопасности Соединенных Штатов. Короче говоря, нам нужно двигаться вперед с чувством реализма, твердо и осмотрительно, не сбрасывая со счета стоящую перед нами угрозу и не уповая на то, что мы можем с ней справиться, но в то же время игнорируя нашу общую стратегическую обстановку, включая интересы и заботы наших союзников,

друзей и других стран. Национальная противоракетная оборона, будучи развернута, должна быть составной частью более широкой стратегии, направленной на сохранение и укрепление мира, мощи и безопасности, какие мы имеем сегодня, и на созидание еще более безопасного мира.

Я попытался обеспечить следующему президенту максимум возможностей для того, чтобы реализовывать эту стратегию. При этом я попытался максимально повысить шанс на то, чтобы все вы, молодые студенты, жили в более безопасном, более человечном мире, проникнутом большей взаимозависимостью в позитивном смысле этого слова. И я надеюсь, что мне это удалось. Я верю, что мне это удалось.

Большое спасибо.

ФАКТОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Национальная противоракетная оборона

Администрация Клинтона твердо настроена на то, чтобы развивать ограниченную систему национальной противоракетной обороны (НПРО), призванную защитить все 50 штатов от зарождающейся баллистическо-ракетной угрозы со стороны стран, угрожающих международному миру и безопасности. В случае нападения американские спутники обнаружили бы пуск ракет; радар проследил бы за боеголовками противника, а высокоточные, высокоскоростные наземные перехватчики уничтожили бы ракеты, прежде чем они достигнут целей в Соединенных Штатах.

РЕШЕНИЕ ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЕ

Президент Клинтон объявил сегодня, что программа НПРО достаточно перспективна и экономична для того, чтобы оправдать дальнейшие исследования и испытания, но для того, чтобы переходить к развертыванию всей системы НПРО, пока еще нет достаточной информации о ее технической и оперативной эффективности

Принимая это решение, Президент рассматривал такие факторы, как наличие угрозы, стоимость проекта, его техническая осуществимость и общее воздействие реализации НПРО на нашу национальную безопасность. Он принял в расчет доскональный технический анализ, выполненный Министерством обороны, а также советы со стороны его главных советников по национальной безопасности.

Пентагон добился прогресса в разработке системы, способной противостоять возникающей ракетной угрозе. Но мы пока не располагаем достаточной информацией, позволяющей сделать вывод о том, что такая система может надежно функционировать в реальных условиях. Не испытаны такие важнейшие элементы программы, как ракетный ускоритель для ракетного перехватчика; еще остается решить вопросы о способности системы справляться с мерами противодействия. Президент ясно дал понять, что нам не следует продвигаться вперед до тех пор, пока у нас не будет дополнительной уверенности в том, что система будет работать, и пока мы не приложим все разумные дипломатические усилия для минимизации издержек.

Пентагон продолжит разработку и испытания системы НПРО. Эта работа все еще находится на ранней стадии: к настоящему времени проведены три из запланированных девятнадцати испытаний по перехвату. Пройдут также дополнительные наземные тесты и имитации.

Создание нашей НПРО представляет собой часть всеобъемлющей стратегии национальной безопасности, реализуемой Администрацией с первоочередной целью - не позволить потенциальным противникам угрожать Соединенным Штатам таким оружием и приобретать вооружения.

Важный элемент этой стратегии представляют собой соглашения с Россией по контролю над вооружениями, поскольку они обеспечивают стабильность и предсказуемость в отношениях между Соединенными Штатами и Россией, способствуют демонтажу ядерного оружия и помогают завершить переход от конфронтации к сотрудничеству с Россией. Договор 1972 года по противоракетной обороне ограничивает средства ПРО по простому принципу: ни одна сторона не должна разворачивать средства обороны, которые подрывали бы имеющиеся у другой стороны средства ядерного сдерживания и тем самым вселяли в нее соблазн нанести первый удар в кризисной ситуации или принять контрмеры, снижающие безопасность обеих наших стран.

Это объявление даст дополнительное время на работу с Россией с целью адаптации Договора по ПРО таким образом, чтобы развернуть ограниченную НПРО, которая не подрывала бы стратегическую стабильность. Соединенные Штаты продолжают также консультации с союзниками, диалог с Китаем и другими государствами.

Программа НПРО, адекватная предполагаемой угрозе

В августе прошлого года Президент решил, что исходная архитектура НПРО включала бы 100 наземных перехватчиков, развернутых на Аляске, один противоракетный радар на Аляске и пять модернизированных радаров раннего предупреждения.

Это наиболее оперативный, экономичный и технологически зрелый подход к развертыванию эффективной НПРО от предполагаемой угрозы. Он позволит защитить все 50 штатов от зарождающихся угроз как со стороны Северной Кореи, так и со стороны Ближнего Востока, будучи оптимальным по отношению к ближайшей и наиболее реальной угрозе – со стороны Северной Кореи.

Президент Клинтон 23 июля 1999 года подписал "Закон 1999 года о национальной противоракетной обороне" (H.R.4), констатирующий, что Соединенные Штаты ставят целью развернуть эффективную систему НПРО так скоро, как только это окажется технологически возможным. Законодательство включает две поправки, поддержанные Администрацией: первая четко определяет, что любое развертывание НПРО должно подлежать процедуре санкционирования и ассигнований, так что никакого решения о

развертывании еще не принято; вторая констатирует, что Соединенные Штаты стремятся продолжать переговорные сокращения российских ядерных сил, фиксируя, что Конгресс по-прежнему поддерживает переговорные сокращения стратегических ядерных вооружений, подтверждая позицию Администрации на тот счет, что политика в сфере противоракетной обороны должна учитывать важные цели в области контроля над вооружениями и нераспространения ядерного оружия.

Бюджет НПРО

Администрация Клинтона израсходовала на НПРО приблизительно 5,7 млрд. долларов и предусмотрела в бюджете на 2001-2005 финансовые годы еще 10,4 млрд. долларов в поддержку возможного развертывания исходной архитектуры НПРО.

Расходы на разработку, закупку и развертывание нашей исходной системы – 100 перехватчиков, противоракетного радара, 5 модернизированных радаров раннего предупреждения и средств командования и управления - в настоящее время оцениваются нами примерно в 25 млрд. долларов (на 1991-2009 финансовые годы). Для сравнения можно сказать, что это составляет менее 1 процента оборонного бюджета на предстоящие шесть лет.

Совместное заявление о принципах стратегической стабильности

На Московском саммите 4 июня с.г. Президенты Клинтон и Путин подписали Совместное заявление о принципах стратегической стабильности. Принципы гласят, что международное сообщество сталкивается с опасной и растущей угрозой распространения оружия массового уничтожения и средств для его доставки, включая ракеты и ракетные технологии, и что необходимо противодействовать этим угрозам, в том числе путем рассмотрения вопроса о внесении изменений в Договор по ПРО. Принципы также фиксируют договоренность о том, чтобы интенсифицировать переговоры как по проблемам Договора по ПРО, так и по СНВ-3.

Совместное заявление о сотрудничестве в области стратегической стабильности

Соединенные Штаты ясно дали понять России, что мы готовы вести серьезное сотрудничество по противодействию возникающей угрозе баллистических ракет, и определили ряд конкретных идей для обсуждения. На Московском саммите 4 июня с.г. Президенты Клинтон и Путин подписали соглашение о создании Совместного центра по обмену данными раннего предупреждения о ракетных пусках; они согласились также наладить более кардинальное сотрудничество по противодействию ракетным угрозам.

На Окинаве 21 июля с.г. Президенты Клинтон и Путин выпустили Совместное заявление о сотрудничестве в области стратегической стабильности, намечающее конкретные направления и проекты сотрудничества по контролю за распространением ракет, ракетных технологий и оружия массового уничтожения.
